

Яна Дубинянская

ЖЕНЫ ПРИЗРАКОВ

Сборник

Жены призраков

Она очень боялась проверки документов.

Но старый мент с нашей стороны ничего не читал; небрежно, словно сдавая карты, он перебрасывал бумажки дальше по столу «ихнему» молоденькому полисмену. Заявление, виза, выписка из трудовой, справка с работы, из собес, согласие ближайших родственников, медицинская справка одна, другая, десятая, свидетельство о браке, свидетельство о смерти. Только паспорт продержал в руках целую минуту, и то изучая не данные, а фотографию. На той первой фотке двенадцатилетней давности Вика была круглолицая, как матрешка, с длинными волосами и неудержимым взрывом смеха в уголках серьезных губ.

— Рожать потом нельзя, тебе говорили? — сурово спросил он.

— Да, конечно.

— «Даканешна»! — передразнил мент. — Все вы, дуры, всё знаете, а потом как стрельнет... Чтоб не сомневалась: нельзя.

— У меня есть сын, восемь лет, — терпеливо пояснила Вика. — Я не собираюсь больше рожать.

Старикан перепроверил, заглянув в конец паспорта. Вдохнул:

— Так тебе, считай, повезло. И какого ты сюда приперлась? Проходи.

Она прошла за плексигласовую перегородку. Полисмен широко улыбнулся и вернул ей документы аккуратной стопочкой. В ровнотубой киношной улыбке чувствовался подвох, и Вика вздрогнула, когда юноша ни с того ни с сего ее окликнул.

Сообщил с жутким акцентом, сверкая зубами на весь КПП:

— Виктори — значит «победа».

* * *

Броневик подали к самому выходу, дверь в дверь. Вряд ли тут уже фонит — наверное, из соображений секретности, подумала Вика. Поверх зеленоватой брони она успела увидеть чахлое деревце посреди бетонного двора и трех мужчин в полицейских форменных сорочках с закатанными по локоть рукавами. Там, где хоть чуть-чуть фонит,

«ихние» так не ходят. Надо было завербоваться шпионкой, усмехнулась она. Уж точно было бы меньше мороки со всеми этими справками...

Водитель держался безукоризненно вежливо, даже немножко подобострастно, и она прикусила губу, остро почувствовав себя «почетной вдовой отважного Героя Сиюминутной войны, самоотверженного спасителя человечества». Так выразилась Маринка — еще тогда, пять лет назад. Когда Ф-зону в газетах называли просто зоной, никто не слышал об «ивашках», а «почетные вдовы» на торжественном вечере по случаю годовщины Вечного мира получили по гвоздике на длинном стебле, по маленькой коробочке с «ихним» крестом и по нашей грамоте о присвоении звания Героя формата А-4 без рамки.

Теперь Маринка тоже здесь. Вот бы ее найти. Нереально, конечно — за три дня...

Над головой у водителя горела тусклая лампочка. Окон в броневику не было — во всяком случае, так Вике показалось сначала. Через десять минут поездки, от нечего делать разглядывая салон, обитый мягким дерматином, она обнаружила по обеим его сторонам еле видимые овальные щели.

— Как только въедем в Ф-зону, откроем, — предупредил ее вопрос водитель. — Пока никак нельзя, извините.

Он говорил совсем без акцента. Неужели наш?

Вика читала, что весь персонал Ф-зоны укомплектован исключительно «ихними». Наверное, просто способный к языкам.

Ей захотелось с ним поговорить.

— Вы давно здесь работаете?

— Три года, госпожа, — ответил он; по этому «госпожа» сразу стало ясно, что никакой он не наш. И больше ни единого слова.

— Скажите пожалуйста, те женщины... — она запнулась. Впрочем, если даже на КПП так халатно отнеслись к проверке документов, с чего это вдруг водитель станет пересказывать начальству разговор с клиенткой?

И потом, ни о чем таком она и не спросит.

— ... те женщины, которые приезжают сюда с временной визой, как у меня... Они часто потом возвращаются с постоянной?

— Всегда.

Исчерпывающе. Переспрашивать было как-то неловко и вроде бы не имело смысла. И тем более Вика удивилась, когда после паузы он продолжил:

— Почти всегда. Конечно, бывает, что какая-нибудь не находит своего «ивашки». Если ее муж никогда не был здесь, а просто воспользовался шумихой, чтобы исчезнуть, и преспокойно поживает себе где-нибудь на побережье с мулаткой. Но это единичные случаи.

— А если...

Она прикусила язык. Вот уж о чем точно нельзя говорить.

— Я, кажется, сказал «ивашка», — спохватился водитель. — Простите, если это покорило ваши чувства. Впредь я буду употреблять только общепринятый термин «фантом-отпечаток».

— Не покорило, — успокоила его Вика.

Действительно, в его рафинированной речи это словечко — придуманное, разумеется, «ихними», — не несло ни малейшей пренебрежительной окраски. Если бы оно звучало так же в устах всех наших чиновников, которые... Ее передернуло. Впрочем, все это уже, слава Богу, позади.

— Ф-зона.

На ровный, будничный звук голоса наложилось шипение оконных заслонок, плавно отъехавших вбок. Как девчонка, стыдно, — успела подумать Вика, расплющивая нос о стекло. Хотя, собственно, почему?

Стекло было толстенное и не совсем прозрачное: наверное, с повышенной защитой. Город казался сквозь него мутным и заплаканным, будто во время дождя. Броневик проезжал окраинные улицы: аккуратные коттеджики, ровно подстриженные деревца. Навстречу попала мусороуборочная машина — симпатичный

броневичок с крутящимися щетками по периметру. Вслед за ней вручную наводили лоск двое дворников в защитных балахонах. Больше Вика не заметила ни одного человека; чего ты хочешь, полшестого утра.

— Долго еще ехать? — спросила она.

— Вас размещают в «Мемориале», это в самом центре. Один из лучших отелей города. Еще минут семь-восемь.

Вика кивнула, продолжая смотреть в окно. Впрочем, уже с некоторого расстояния.

Центр начался ненавязчиво: коттеджи подросли до каменных зданий, стройных и нарядных, с балкончиками, башенками и даже колоннами. Словно историческая часть европейской столицы, — причем не аляповатая подделка, а приличная, со вкусом выполненная стилизация. «Ихние» умеют. И не скажешь, что все это построено всего четыре года назад, сразу после первого описания в опять-таки «ихней» научной прессе феномена «ивашек».

Специально для таких, как она.

Броневик остановился — плавно, без толчка.

— Приехали, госпожа, — сказал водитель. — За вами на сиденье лежит защитный плащ. Нет, чуть левее. Нашли? Дойдете в нем до отеля, а там вам выдадут полный комплект специальной одежды. Я провожу.

Плащ, больше похожий на балахон, оказался великоват: его прозрачное «забрало» плохо совместилось с Викиным лицом, закрыв почти весь обзор. Она сумела рассмотреть только дорожную брусчатку под ногами, — надо же, а ехали будто по накатанному асфальту. Геометрические щелочки между камнями поблескивали: и вправду дождь?

Четыре семенящих шага вслепую, дверь с бронзовой ручкой. Одним движением водитель ухитрился и распахнуть тяжелую створку, и впихнуть Вику внутрь, и сдернуть с нее балахон, — именно в ту долю секунды, когда дверь вернулась на место.

Ни единого скрипа; только мягкий шуршащий хлопок, — словно ладонями в замшевых перчатках. И темнота.

Или в мышеловках оно как-то по-другому?

* * *

О том, что надо искать кнопку, — хотя чего там искать, зеленая лампочка вполне определенно подмигивала в темноте, — Вика догадалась только после пятиминутного топтания в коротком коридорчике. И едва успела догадаться, как наружная дверь снова замшево хлопнула, впуская фигуру в балахоне. В сером прямоугольнике мелькнуло заплаканное утро; вот и хапнула первый

пучок рентген. Ну и пусть. Вряд ли больше, чем тогда, у постели Игоря... Внутренние двери бесшумно разъехались. Вика замешкалась, не успев пройти следом за вошедшим, и пришлось все-таки нажать на зеленый огонек.

Тьма сменилась мягкими утренними сумерками. Просторный вестибюль, стойка портье, лестница. По ней поднималась та самая фигура: под балахоном мелко постукивали каблочки-шпильки. И куда она в такую рань? Или — откуда?..

Вика подошла к стойке:

— Доброе утро.

Портье ослепительно улыбнулась. Молодая женщина в безумно элегантном сером костюме. Вика даже на секунду усомнилась: а может, это хозяйка гостиницы? Впрочем, все «ихние» женщины потрясающе одеваются. Когда Игоря приняли на службу в его элитное спецподразделение, он с первой зарплаты купил ей на черном рынке «ихнее» платье. А она была беременна Сашкой и не смогла даже примерить. Да так и не надела потом... ни разу.

— Госпожа Виктория Марченко?

Ни намек на акцент. Ни намек на фальшь в безукоризненной улыбке.

Вика тоже улыбнулась — признаться, довольно криво. Кивнула.

— Мы вас ждем, — не опуская приветливых

глаз, женщина извлекла из-под стойки связку из двух ключей. — Ваш номер двадцать четвертый, второй этаж, первая дверь налево. Блочный вариант «три плюс два», согласно вашему желанию. Вы не передумали? Могу предложить отдельный «люкс».

— Нет, спасибо.

Портье ни капли не удивилась. Говорят, «ихние» вообще привыкли не удивляться проявлениям «загадочной души» наших. Хотя что ж тут загадочного? У нее, Вики, всего три дня. Много она успеет выяснить! — если просидит все это время одна, пусть в самой комфортабельной комнате. Конечно, он должен прийти сам; они всегда приходят сами... А вдруг — нет?!..

И вполне вероятное «вдруг». Ей никак нельзя пассивно ждать.

— Комплект белья и специальной одежды вам принесет горничная, — сообщила портье, и ее улыбка вспыхнула последней искрой бенгальского огня. Процедура поселения окончена, поняла Вика.

Она взяла ключи и поднялась на второй этаж. За блочной дверью обнаружилась обширная прихожая, облицованная чуть ли не мрамором, с мягким ковровым покрытием на полу. Яркие щели очерчивали вход в ванную; там шумно лилась вода. Значит, кто-то уже встал. Но Вика все равно постеснялась включать свет, афишируя свое прибытие. Чуть ли не на цыпочках подошла к двери

под номером двадцать четыре, постучала. Выждала несколько секунд, провернула ключ в замке и вошла.

В номере никого не было. Сквозь опущенные жалюзи пробивалась тусклая серость начинавшегося дня. В полумраке просторной комнаты все три кровати казались девственно застеленными, и Вика опустилась на первую попавшуюся, бросив рядом спортивную сумку. Разбирать вещи, обустраиваться и даже осматриваться как следует по сторонам что-то не хотелось.

Не хотелось вообще ничего.

* * *

Шел дождь. Шел уже давно, целые сутки напролет, и гора земли у вырытой накануне могилы превратилась в сплошную грязь. Маринка присела на корточки, зачерпнула рукой этой полужидкой кашицы и бросила в яму слипшийся черный пирожок. Да так и осталась стоять, растопырив грязные пальцы.

Вика тоже бросила. А все остальные стайкой перепуганных ворон жались к оградке соседней могилы. Конечно, им сказали, что запаянный гроб не пропускает радиации, но мало ли... близко лучше не подходить.

Здоровенные могильщики, пошатываясь и распространяя перегар, взялись за лопаты.

— Я пойду, — виновато шепнула Вика. — Полвторого уже...

Маринка молча кивнула.

Обернувшись у поворота, Вика увидела, как она садилась в автобус. Никто не подал ей руки, и Маринка вскарабкалась на высокую ступеньку сама — тяжелая, неповоротливая. Она еще не знала, что ее восьмимесячная девочка родится сегодня же ночью. И проживет почти два часа...

Вика тоже не знала. Она шла по кладбищенской аллее, все ускоряя шаги, взяла в грязи, бежала, летела, зажимала рукой колющий бок, хрипела на каждом вдохе, — а в это время Игорь... Игорь!!!

... Она проснулась.

Над головой торчала красивая люстра с хрустальными висюльками. Вика машинально принялась их пересчитывать, вяло припоминая, где она, собственно, находится. А, Ф-зона... да. И который теперь час?

— Ты кто?

Голос прозвучал так бесцеремонно, что Вика рывком поднялась и повернула голову.

На кровати у окна сидела по-турецки женщина в махровом халате. Вроде бы молодая и даже красивая — против света было трудно

разглядеть. На густящей шапке рыжих волос золотились тусклые блики. Женщина курила, пуская дым в открытое окно.

Открытое?!..

Вика вскочила:

— Закройте немедленно! Разве вы не...

— Да знаю, знаю, — откликнулась незнакомка. — Плевала я на «ихнюю» радиацию. «Ихние» вообще психи. Психи и паникеры.

Впрочем, она таки вернула створку на место, дважды щелкнула шпингалетом. Загасила сигарету прямо о толстое оконное стекло. И повторила свой вопрос:

— Ты кто?

Только теперь Вика слегка оторопела. Судорожно сглотнула:

— Вдова героя Сиюминутной войны. Как и вы, наверное. Меня зовут Виктория.

Женщина не назвала себя, и Викино имя повисло в воздухе, будто протянутая рука, не дождавшаяся пожатия. Странная она какая-то, эта рыжая. И все равно придется наладить с ней контакт, расспросить, вытянуть максимум информации о...

— Тебя что, к нам подселили?

Словно речь шла о койке в общежитии, — Вика даже слабо улыбнулась. За окном по-прежнему моросило, но уже стало достаточно

светло, чтобы оценить роскошь гостиничной обстановки. Скромную, элегантную роскошь — без намек на помпезность либо излишество. Как могут только «ихние».

— В общем, да.

Рыжая заерзала на кровати, пристроила под себя ноги, набросила на плечи одеяло наподобие плаща и сообщила:

— Это Наташкино место.

— Ой, простите, я не знала, — Вика взялась за сумку. «Ой» получилось совсем уж по-детски нелепым. Шагнула по направлению к третьей кровати:

— Здесь свободно?

— Нет.

Вика остановилась посреди комнаты. Накладка? Что-то не похоже на «ихних». Надо побыстрее прояснить ситуацию... Она взглянула на часы: без двадцати одиннадцать. Черт!..

Портье внизу был уже другой, мужчина, — однако с точно такой же профессиональной улыбкой. Он заглянул в гостиничную книгу и заверил Вику, что никакой ошибки нет и быть не может; одно из трех мест в номере двадцать четвертом занимает она, госпожа Марченко. Этот портье тоже выговаривал ее фамилию правильно, даже слишком. Вика поблагодарила его, чувствуя легкую неловкость; впрочем, почему она должна

краснеть за эту странноватую соседку?

Когда она вернулась, рыжая сидела все в той же позе, словно и не шевельнулась за время Викиного отсутствия. Зато откуда-то взялась еще одна постоялица: она посапывала лицом в стенку, из-под одеяла выглядывал только темный кучерявый затылок. Свободной оставалась именно та кровать, на которой Вика проспала все утро.

— Это все-таки мое место, — она поймала себя на ослепительной улыбке; «ихний» пример заразителен. — С вашего позволения.

Женщина пожала плечами:

— Мне-то что? Придет Натаха, с ней и разбирайся.

Вика подняла с пола сумку: надо разложить вещи. Их, конечно, совсем немного, но... Она любила организовывать маленький личный уют везде, где останавливалась хоть на одну ночь.

Всего три дня. И половина первого из них, считай, уже прошла.

— Как тебя зовут? — расстегивая молнию на сумке, Вика отважно двинулась на контакт с соседкой; фамильярность давалась с трудом. — Ты давно здесь?

— Два го-дыа... — ответ рыжей потонул в мощном зевке. Первый вопрос она проигнорировала. — Слушай, я отрубаясь. Ты только Наташке не груби, хорошо?.. А то она у

нас... тьфу ты черт, зацепилось...

Потрясенная Вика во все глаза смотрела, как на туалетном столике оседает, теряя форму головы, шапка рыжего парика.

* * *

«... комплекс вины. Именно так зарубежные экономисты и политологи склонны объяснять колоссальные средства, выделяемые правительством страны, коммерческими структурами, благотворительными организациями и частными лицами на этот проект. К услугам вдов героев комфортабельные отели с надежной противорадиационной защитой, развитая городская инфраструктура, широкий комплекс разнообразных услуг.

Город возведен в той части Ф-зоны, где, согласно исследованиям, наиболее ярко проявляет себя феномен «ивашек». Так называют в иностранной прессе фантомы-отпечатки наших доблестных воинов, самоотверженными усилиями которых была предотвращена глобальнейшая ядерная катастрофа на Земле.

Их подвиг вошел в историю под названием Сиюминутная война. Это связано с грубейшей политической ошибкой в трактовке экстремальной ситуации, допущенной тогда правительством и

силовыми структурами государства, якобы оказавшегося под ударом. Как известно, президент Бергсон был вынужден уйти в отставку, публично принеся нашему народу извинения за преступное объявление войны. Так был установлен Вечный мир между двумя великими державами.

В то время, как Бергсон в официальной речи назвал происходящее «вражеским десантом на территорию секретной ядерной базы мирной страны», наши бойцы элитного спецподразделения уже тушили пожар, возникший (как впоследствии признали независимые эксперты) в силу стихийных причин. Напомним, что местный контингент регулярных войск, сразу после объявления войны стянутых к ядерной базе, отказался выполнять приказы командования, мотивируя это смертельной опасностью пребывания в очаге пожара. наших отважных ребят опасность не остановила...

Природа фантомов-отпечатков на сегодня изучена недостаточно. Известно, что они не радиоактивны и общение с ними не представляет опасности для здоровья. К сожалению, из надуманных соображений секретности наши ученые до сих пор не имеют доступа на терри...»

... В обрывок газеты была завернута банка клубничного варенья. Варенье Вике, куда бы та не ехала, регулярно подбрасывала свекровь, — тут удивляться нечему. Другое дело, что этой газете как

минимум года три: тогда Вика еще не придавала значения подобным публикациям, однако зачем-то сохранила ее, сунув в ящик стола. Будем надеяться, что свекровь совершенно случайно воспользовалась именно этим газетным листом. Завернула, не читая.

Ягоды в банке просвечивали тусклым рубином. Вика покосилась на спящих соседок. Странно вообще-то — посреди бела дня... хотя в такую погоду... Надо будет угостить их чаем с вареньем, это сближает. Где бы раздобыть консервный нож?.. не хотелось выходить из номера.

Она подошла к окну. По толстому стеклу густо расселись бисерные капельки, такие мелкие, что даже не сползали вниз. Сквозь них смутно просматривалась противоположная сторона улицы: высокий дом с четырьмя колоннами. Тоже гостиница? Ресторан? Кинотеатр? Ей приходилось читать, что большинство домов в Ф-зоне — пустые фасады, имитация полноценного города; очень возможно. Впрочем, нельзя верить всему, что пишут про Ф-зону, — будь то «ихние» источники или наши.

И нельзя верить ничему из того, что пишут про «ивашек». Те, кто по-настоящему знает о них, — писать не будут.

Даже Маринка — ни разу не написала. Ни строчки.

— Привет! Я Настя. Вы будете у нас жить?
Вика обернулась от окна.

Растрепанная девчушка на кровати по-детски терла глаза кулачком. Глаза, как обнаружилось через секунду, были серые, круглые и занимали по меньшей мере треть лица. Малюсенький вздернутый носик и губки бантиком.

На вид Вика дала бы ей лет шестнадцать-семнадцать. Стоп, не может быть: ведь тогда во время Сиюминутной войны ей было бы всего...

— Виктория. Да... то есть нет, я только на три дня, по временной визе. Хочешь варенья?

Получилось довольно топорно; однако Настя просияла и вскочила, взметнув одеяло. Ничуть не смущаясь, она стянула через голову пижаму, надетую на голое тело, и побежала через всю комнату к шкафу-трюмо. Фигурка у нее была совсем подростковая.

Как минимум двадцать три, продолжала подсчитывать Вика. И то если вышла замуж в семнадцать и буквально сразу же овдовела... какой кошмар.

Настя выпорхнула из-за дверцы шкафа в пестром платице в обтяжку, коротеньком, совершенно летнем, — каламбур получился

невеселым, и Вика не улыбнулась.

— Только вот открыть нечем, — скомканно пробормотала она.

— Нет проблем, — Настя подскочила к тумбочке и, зажав между ухом и плечом телефонную трубку, принялась левой рукой отстукивать номер. Правой она подняла банку, рассматривая ее на просвет. — Клубника! Обожаю... Алло, солнышко, ты еще не сменился? Нам нужна открывачка... От-кры-вачка!.. Ну, варенье открыть. И пускай чаю принесут на двоих... Ну да, тебе скажи!.. с новенькой, не переживай. Целую!

Она звонко чмокнула воздух, повесила трубку и прыснула в кулачок:

— Простых слов не знает. «Ихние» все такие.

— Может, надо было и ей? — Вика покосилась на кровать «рыжей».

Настя махнула рукой:

— Ну её! Мы с Наташкой с ней не дружим. Потому что идиотка. Окна пораспахивает настезь, ей-то по фиг, а про людей подумать? И вообще она до вечера будет дрыхнуть, вот увидите.

Вика уже открыла рот для вопроса, когда вошла горничная. На зеркальном подносе стоял миниатюрный самоварчик, две чашки и две вазочки для варенья, а с краю темнел консервный ножик, тоже сдвоенный отражением. Горничная

ослепительно улыбнулась, пожелала приятного аппетита и ненавязчиво испарилась.

Чай был ароматный и несладкий. Как Вика и любила.

— Почему ей по фиг? — спустя пять минут таки озвучила она свой вопрос.

Глаза Насти таинственно блеснули: большой-большой секрет. Разумеется, она понизила голос. Между нами, девочками:

— Она у нас странная. Понимаете, ее муж правда тушил тут пожар. Только он тогда был уже не муж, они давно развелись, причем, кажется, с жутким скандалом. Она ему в больницу даже записочки не написала. И на Ф-зону ее не хотели оформлять, еле-еле пробила...

— Зачем?

— Как зачем? Здесь условия — супер, и кормят, и вообще... Не полная же дура, просто сдвинутая. Это у нее после того, как она с ним увиделась... ну, с «ивашкой»...

Вика поперхнулась чаем.

Рыжий парик тускло поблескивал на туалетном столике. Женщина спала, укрывшись с головой. Страшной головой с розовыми струпьями и редкими островками волос.

Милая кудрявая Настя чирикала, как ни в чем не бывало:

— Она и по улице просто так ходит. Говорит,

что ей все равно. Что он такой хороший, такой весь из себя замечательный, ее «ивашка», а она даже записки тогда... Что виноватая перед ним на всю оставшуюся жизнь...

Что-то знакомое. Конечно: «... комплекс вины». Мятый газетный лист до сих пор лежал на кровати. Не вставая, Вика протянула руку и скомкала его.

В Настиной болтовне проскочила неувязка... или показалось? В самом начале:

— Что ты имела в виду: «правда тушил пожар»? А разве...

Девчонка заткнулась. Да, именно так — словно маленький ротик с размаху запечатали кляпом. Несколько раз испуганно сморгнули глазищи, враз отвоевавшие себе добрых две трети лица.

Тихонечко, жалобно, по-детски:

— Вы же никому не скажете?..

* * *

... Ей было тогда всего одиннадцать, и у нее, слава Богу, никто не погиб на Сиюминутной войне; у них в семье, тьфу-тьфу, вообще ни одного военного... А семья большая, три старших брата: на ее, Настино, образование у родителей денег уже не хватило. И куда прикажете после школы? А мамин

бывший... ну, вы понимаете... короче, он работает в комиссии по Ф-зоне. Конечно, за справками пришлось побегать, и в лапу дать сколько раз, — а что поделаешь, в институт еще дороже!.. да и кому он нужен, этот институт...

Виза у нее временная, на год. Главное — успеть выйти замуж за «ихнего». А что? Джесс, портье, вы его, наверное, видели сегодня, — очень даже ничего, правда? И вежливый, и подарки дарит, и вообще... Есть еще швейцар из ресторанчика напротив, он толстый, конечно, и старый, — но если вдруг Джесс не захочет жениться... Хотя куда он денется? И еще полгода впереди...

Вика слушала рассеянно. Вспоминались густо покрашенные — хлоп-хлоп, тушь осыпается крошками, — ресницы грузной дамы-главврача спецгоспиталя. «Вы отдаете себе отчет, что вы мне предлагаете? Это же статья! Статья!!! — вы понимаете, дорогуша?!»...

Интересно, сколько таких вот насть эта дамочка благословила своей круглой печатью. И перед каждой ли ломала подобную комедию?..

Захотелось спросить у девчонки, во сколько обошлась ее родителям главврачиха. Просто так, из любопытства... но Вика вовремя прикусила язык. Сказала другое:

— Ты же теперь не сможешь родить ребенка.
Настя беспечно махнула рукой:

— Это если у нас. А у «ихних» — медицина! Тут весь персонал, мне Джесс рассказывал, раз в год проходит обследование, и если что не так, сразу лечат за счет казны. А я через год уже получу гражданство и подпаду под «ихние» законы. Короче, было б из-за чего переживать. Джесс, кстати, и не хочет детей, он за женское равноправие...

Вика смотрела на нее, и в душе само по себе нарастало мутное отвращение. Маленькая дрянь. И дурочка к тому же, — а потому вряд ли добьется своего. Можно себе представить, как «ихние» мужики относятся к таким вот девочкам с липовыми справками и розовыми мечтами... Само собой, этот ее Джесс не хочет детей. Кто бы сомневался.

У Маринки, когда ее выписали из роддома, лицо было глухое, словно затканное паутиной. Навсегда.

Настя продолжала щебетать о своем будущем счастье. За окном вроде бы стало немножко светлее — кончился дождь? Время, черт возьми, уходит время... И до сих пор — впустую.

— Настя, — безжалостно оборвала она птичий щебет, — а ты сама их видела?

— Кого?

— «Ивашек». Понятно, что к тебе никто прийти не мог. Но... к твоей соседке,

например... — она кивнула на спящую.

Девчушка хихикнула:

— Не-а. Она его сюда не пускает. Сама к нему бегаёт на целую ночь — уж не знаю, куда, — а потом дрыхнет весь день напролет. Всё болтает, какой он классный, но никому не показывает. Ревнует, наверное.

Вика задумчиво взглянула на скрученную калачиком фигуру под одеялом. Когда проснется, надо будет обязательно ее разговорить. Женщина, приехавшая сюда ради удобств и сытости — ничем не лучше Насти, — и теперь казнящая себя из-за человека, который и любимым-то не был... при жизни.

Ведь если так — то очень может быть, что и...

— И Наташка никого сюда не водит, — донесся Настин голосок, — у нее точка в одном заведении. Ой!

Вика даже вздрогнула:

— Что такое?

— Вы же на ее месте. А она сейчас придет, и...

Вот уж не ожидала, что эта поднадоевшая песня способна до такой степени вывести из себя. Захотелось швырнуть в стену недопитой чашкой или хотя бы хорошенько оттаскать малолетку за ее темные кудряшки.

Если бы не спящая, Вика заорала бы во всю

глотку. А так — по-змеиному прошипела:

— А не пошла бы твоя Наташ...

Хлопнула входная дверь.

* * *

— Мар-чен-ко, — по складам повторила Вика потасканному красавчику Джессу. — Номер двадцать четвертый, трехместный.

— Все правильно, — улыбнулся он. — У вас проблемы?

Она прикусила губу на грани взрыва. Ровно, совершенно ровно:

— Я вам уже говорила. Какая-то особа утверждает, что я заняла ее кровать. Устроила скандал, выбросила в коридор мои вещи. Разберитесь, пожалуйста.

Портье оскалился еще ослепительнее:

— Этого не может быть. В книге постояльцев отеля записано, что за вами забронировано место в двадцать четвертом. Можете спокойно подниматься к себе, госпожа Виктория.

Его улыбка застыла, как на стоп-кадре: разговор окончен. Вика еще пыталась сдерживаться; получалось все хуже и хуже:

— Подниматься? И что — драться с ней?! Эта... эта... она мне чуть глаза не выцарапала! — Вика судорожно перевела дыхание и сглотнула

слезу. — Извините.

Портье нагнулся и протянул ей носовой платок. Повторил, будто заведенный вежливый болванчик:

— Этого не может быть.

— По-вашему, я вру?!!

От платка разило резкими, ядовитыми духами; на волю прорвались жгучие потоки слез. Если б не этот чертов платок, ни за что бы не позволила себе... Она шмыгала носом, словно девчонка, и никак не могла остановиться. Глупо, стыдно...

— Ну его на фиг. Пошли отсюда.

Вика подняла голову и несколько раз сморгнула. Размытый силуэт сфокусировался в знакомую женскую фигуру. Заспанная, все в том же махровом халате. Рыжий парик, нечесанный и чуть съехавший набок, на удивление удачно притворялся своими волосами. Она держала за ручки Викину спортивную сумку; лямка волочилась по паркету.

— Ни хрена ты не докажешь, — сказала женщина. — Натаха ему отстегивает за койку. Пошли в бар, побазарим.

— Подождите, — Вика скомкала платок и бросила его на стойку. Провела кулаком по глазам, размазывая тушь. — Мне предлагали отдельный номер-люкс. Я согласна.

— Вам следовало заявить об этом при поселении, госпожа Марченко. Мы не

переоформляем постояльцев с трехдневной визой. Сожалею, но таковы правила.

Она сцепила зубы, — но профессиональная ухмылка портье все равно поплыла перед глазами. Истерика, форменная истерика... Возьми себя в руки, черт возьми! Ничего особенного не... Безобразная сцена пятнадцатиминутной давности вломилась в сознание, и от потока отборного мата снова заложило уши.

— Я хочу видеть администратора... или хозяина гостиницы... кто тут у вас главный? — голос сорвался беспомощным детским всхлипом.

— Сожалею, госпожа, но это не входит в мои полномочия.

«Рыжая» тронула ее за плечо:

— Дохлый номер. «Ихние» все повязаны... Пошли, а?

Вика обернулась к ней и машинально протянула руку за сумкой.

* * *

Кофе был горячий и горький. Вику всегда успокаивал кофе — а спиртное как раз наоборот. Поэтому коньяк ее соседка — бывшая соседка? — потягивала одна. И, кажется, была не прочь прикончить всю бутылку.

— Наташка — нелегалка. Я так думаю, ей три

четверти выручки приходится рассовывать всяким «ихним» скотам... ну, и давать за так, само собой. Поэтому и злая, как собака. В следующий раз будешь поселяться — проверь, что место чистое. А три дня как-нибудь перекантуешься.

— Она... проститутка?

— Ага, — «рыжая» подтвердила Викину догадку словом покороче. — Тут таких много. Кто по «ихним» работает, кто по «ивашкам»...

Вика вскинула глаза:

— Как?

— Молча. Они ведь тоже мужики. И далеко не ко всем жены поприезжали. Ф-зона все-таки. Радиация. Стра-а-ашно!..

Они были одни в маленьком баре на цокольном этаже отеля. В окне совсем близко поблескивала брусчатка; треугольная лужица между камнями морщилась частыми крапинками. Все-таки дождь... до сих пор.

Соседка перехватила ее взгляд:

— Достали уже эти дожди... в десять раз хуже «ихних» долбанных рентгенов. Каждый божий день. Знала бы раньше...

Вика отхлебнула большой глоток и обожглась. Выдохнула:

— Не поехала бы?

И осеклась. «Рыжая» смотрела так, словно ее безо всяких доказательств обвинили в тяжком и

постыдном преступлении... и обвинение попало в точку. Вика смутилась, уткнулась в чашку.

Женщина плеснула себе еще коньяку.

— Куда бы тебя устроить? — деловито задумалась она. — Наш «Мемориал» — гнилое местечко... Натаха тут же вычислит и выкурит, просто по злобе. И зачем ты с ней заелась?.. Ладно. Знаю одну контору. Только там за деньги. У тебя «ихняя» валюта есть?

— Есть немного...

На всякий случай Вика заглянула в бумажник: все-таки сумка четверть часа провалялась в коридоре. К счастью, шесть серо-зеленых купюр были на месте. Больше в посольстве не меняли, а на черный рынок она так и не собралась. Да и зачем?.. отправляясь в насквозь благотворительную Ф-зону... Наивная.

Из-под прозрачной пленки улыбались два почти одинаковых лица. С тех пор, как Вика остриглась, все стали говорить, что Сашка — ее точная копия... а ведь он всегда был похож на Игоря. Сбоку выглядывал краешек другой фотографии, сделанной когда-то в ателье, на нашей бумаге, боящейся солнца, — а свекровь поставила было ее под стекло. Выцветшая счастливая семья...

Закусила губу и сунула бумажник в сумку.

Оказывается, «рыжая» уже несколько минут объясняла ей дорогу. Вика извинилась и попросила

повторить. Речь шла о подпольном отеле для тех из наших, кто проникает в Ф-зону нелегально. И каким, интересно, образом? — Вика совершенно не представляла себе, но расспрашивать не стала. Будем считать, что она тоже из таких; не устраивать же международный скандал по поводу законности своего пребывания здесь... Не хватало еще, чтобы «ихние» еще раз подняли ее документы.

Отель, похоже, располагался где-то на другом конце города. Добираться, конечно, придется пешком: она шевелила губами и загибала пальцы, запоминая очередность поворотов. Потом спохватилась: а как же защитная одежда?!

Соседка уничижительно усмехнулась:

— Не психуй. Ничего тебе не будет. Все вы шугаетесь, как идиотки: радиация! Ты ее видела?

Вика до скрипа стиснула зубы.

Видела. В то время, когда она, эта «рыжая», наверное, беспечно махнула рукой на первые обтекаемые радиосообщения о Сиюминутной войне; когда бросила что-то вроде «так ему, козлу, и надо», увидев те самые списки в газетах... Уже тогда — оббивала пороги, тарабанила в двери, штурмовала приемные, добиваясь пропуска в спецгоспиталь. «Говорят вам, Виктория Алексеевна, в этом нет ни малейшей необходимости! Две недели карантина — и ваш муж вернется домой».

Когда добилась — Игорь еще был красивый и смеющийся, он изо всех сил бодрился и тоже отчаянно не верил ни в радиацию, ни в лучевую болезнь...

Разумеется, она промолчала. «Рыжая» пожалала плечами:

— Хочешь, я тебе свой плащик дам? Только сапожек нет, Наташка сперла... Сейчас коньячок прикончу и сбегаяю.

Серьезный юноша-официант принес Вике еще кофе — а ведь она как раз успела подумать: неплохо бы... На стене чуть выше рамы окна горела маленькая лампочка; желтые блики очерчивали грани коньячной бутылки. Тепло, хорошо. А на улице — радиоактивный дождь... И уже совсем скоро придется туда идти.

Соседка провела пятерней по парику — точь-в-точь будто по волосам. «Рыжая». Так и не сказала, как ее зовут... Вика вздохнула. Этот последний, самый важный вопрос было как-то неловко, несподручно задавать без обращения по имени:

— Послушай... а как ты с ним встретила? Я имею в виду, со своим...

— «Ивашкой»?

Вика вскинула взгляд. Заминка вышла из-за того, что она засомневалась: мужем?.. бывшим мужем?.. Но никак не это, циничное, в общем-то,

словечко...

«Рыжая» произнесла его тихонько, полушепотом — словно имя любимого. Ее глаза мягко засветились. Невероятно красивые, вдруг с удивлением заметила Вика, серо-зеленые глаза...

— Да так... Я иду, а он стоит под аркой. А я тогда, как дура, в этом плаще... а он все равно узнал. И говорит: «Ну, здравствуй...» — она неслышно, восхищенно рассмеялась. — Понимаешь? Он никогда... никогда не говорил вот так: «Ну, здравствуй...» А потом подошел и за руку взял. И пальцы у него... Нет, ты не поймешь. Я сама не понимала раньше, идиотка набитая, я думала, что он... а он... он такой...

Что-то внутри напряглось, как готовая лопнуть струна. Вот оно... вот!!! Не упустить... не спугнуть...

— Раньше он был другим? — шелестящим шепотом спросила Вика. — Пока был жив? Да?!

Подавшись вперед, она зацепила кофейную чашку — еле успела отшатнуться. Черная зернистая жидкость звездообразно расплылась по столу и закапала на пол. В мгновение ока подскочил «ихний» мальчик со шваброй.

«Рыжая» расхохоталась — теперь уже в полный голос. Незлобивый, снисходительный смех. Как над милым и глупым вопросом ребенка:

— А сейчас он, по-твоему, не жив?

Ерунда. Человеческий организм не ощущает радиации. Так уж он идиотски устроен...

Вика снова оступилась, задев каблуком край лужи, и кожу щиколоток опять засадило от брызг. Полы балахона внизу уже намокли с внутренней стороны и на каждом шагу жгуче хлестали по ногам. Толку в этом «плащике» — можно подумать, камни мостовой фонят меньше, чем...

Через несколько лет эта прогулка даст себя знать. Наверняка начнутся проблемы по-женски... Вика усмехнулась. Сама же убеждала себя — еще там, дома, — что готова ко всему.

Она вдруг подумала о Сашке. Вообще-то надо было все время думать о Сашке... ему ты нужна. А больше — никому на свете. И тем более здесь, в этой проклятой «ихней» Ф-Зоне... Стоило, скажи, сюда соваться?! Ради чего?!..

По «забралу» стекали тоненькие извилистые струйки. Пространство между ними было усеяно мелким бисером капель: шла она практически вслепую, спотыкаясь на скользкой брусчатке. На фасадах некоторых домов уже зажглись неоновые рекламы; надписи рассеивались в дождливых узорах перед лицом, и вокруг каждой возникало нечто вроде нимба. В принципе, двигаясь на эти

огни, можно забрести в какое-нибудь кафе или ресторан... но не стоит. Хоть бы засветло добраться до того отеля...

Если б все-таки разыскать здесь Маринку. Но каким образом?

Маринка подала документы на Ф-зону одной из первых. Еще тогда, когда газеты информировали о «братской инициативе дружественного государства» сдержанно и сухо, точно в рамках условий договора, а чиновные мужи и дамы в доверительных беседах призывали «не поддаваться на «ихние» провокации». Вика сама советовала ей примерно то же самое: «... гостиницы, рестораны... что они там еще обещают? Подумай сама: зачем это нужно — не тебе, а им?»...

Наверное, это отличительное свойство наших — с подозрением относиться к аппетитным головкам бесплатного сыра, особенно таких дорогих сортов. Все ждали подвоха. Например, что сразу после пересечения границы «вдовы героев» попадут в руки «ихних» спецслужб, желающих узнать побольше о последнем спецзадании их героических мужей. Настоящие профессионалы способны многое выжать даже из тех полутора слов, что шепнул Маринке ее Славик, успевший заскочить домой перед отъездом.

Не говоря уже о разговорах в госпитале, где постепенное осознание обмана и конца, по идее,

должно было нивелировать всё в жизни, в том числе и военную тайну... Маринка была с ним — таких среди жен героев, как писали потом в газетах, не набралось и на пальцы одной руки. Находка для шпиона, разве нет?

Хотя Славик как раз держался до последнего. Как, впрочем, и Игорь... нет, не надо сейчас об Игоре.

А Маринка улыбалась; к тому времени она уже научилась улыбаться. «По-твоему, я туда еду ради ресторанов? — Ты понимаешь, о чем я. А если никаких «ивашек» в природе вообще не... — Молчи. Я тебя очень прошу: молчи».

И Вика замолкала.

Бум на Ф-зону начался почти годом позже. В оппозиционной прессе стали мелькать статейки о том, что количество выехавших «вдов» уже втрое-вчетверо превысило число погибших героев Сиюминутной войны. Вика скептически пожимала плечами. В конце концов, кому может быть точно известен количественный состав спецподразделения, засекреченного под самым жестким грифом?.. Официальные списки в газетах — это одно... Игорь, помнится, изменился в лице, узнав, что их опубликовали. Списки очевидных мертвецов: и уже погибших на пожаре, и пока живых.

Нет, Маринку можно было понять. У нее

действительно ровным счетом ничего не осталось, пусть она довольно удачно создавала вокруг себя иллюзию деятельной жизни. Но другие — Светка, например, с ее двумя детьми!.. Вику передергивало, она судорожно прижимала к себе Сашку; тот кривился, он был уже большой и стеснялся материнских нежностей...

Он не мог без нее.

И она оставалась. Продолжала отчаянно верить, что все еще может наладиться.

* * *

«Под арку и налево. Два пролета, за ними дворик такой маленький. Там спросишь».

Уже совсем стемнело. Вика то и дело протирала рукавом пленку перед глазами; видимость становилась чуть лучше — ровно на полсекунды. Огней в этой части города было гораздо меньше, света они почти не давали, только рябило в глазах. Черная дыра, похожая на пасть, вполне могла быть арочным проемом; но через пару минут Вика уперлась вытянутыми руками в глухую стену. Театральные фасады Ф-зоны... откуда здесь взяться каким-то внутренним дворам?

Но следующая по счету черная пасть таки куда-то вела. В крошечной темноте продвигаться можно было только по стенке; под ногами чавкало,

и Вика боялась наступить на какие-нибудь нечистоты... перестань, это все же Ф-зона. О том, что нужно считать пролеты, вспомнила не сразу, успела запаниковать — но стенка внезапно кончилась. Пустота показалась огромной... «маленький такой дворик».

И у кого тут, интересно, спрашивать дорогу?

Если это вообще то место.

Она старательно протерла «забрало»: эффект стремился к нулевому. Вроде бы мелькнул тусклый свет — вертикальной размытой полосой — и мгновенно потух, не успев рассеяться в каплях. Приоткрыли дверь? Других версий не было, и Вика отважно пошла на бывший огонек. Хоть бы не провалиться в лужу; лучше не думать о химическом составе этого дождя...

— Давай-давай, быстрее!

Вика не успела удивиться. И только пару секунд спустя отметила, что голос был мужской, низкий и приглушенный. Чуть раньше — почувствовала прикосновение к локтю: ее довольно бесцеремонно подвинули вперед, развернув градусов на тридцать.

Хлопнула дверь. Свет не то чтобы ослепил Вику — лампочка, как потом оказалось, была слабая, плюс мокрое «забрало», — но зажмуриться все-таки заставил. И она еще не открыла глаз, когда тот же голос беззаботно бросил:

— Не повезло сегодня?

Да уж, подумала Вика. Хотя вообще-то он, конечно, принял ее за кого-то другого. Застежку на балахоне заело, и невидимый собеседник удалился до того, как получил возможность заметить свою ошибку.

Вика огляделась по сторонам. Больше всего это напоминало внутренности средненького бара на окраине заштатного городка — нашего, разумеется. На пяточке максимум в четыре на четыре метра ютились три пластмассовых столика с прожженными скатертями и переполненными пепельницами. На стойке возвышался мутный сифон и несколько невымытых стаканов; на заднем плане выстроились разнокалиберные бутылки, среди них кое-где торчали пакетики, кажется, соленых орешков. Темно-зеленая портьера за стойкой приоткрывала три щербатых ступеньки лестницы наверх.

Еще был тяжелый сизый чад вместо воздуха. И ни единого человека.

Она присела на покачнувшийся пластмассовый стул. Будем надеяться, что «рыжая» имела в виду именно это заведение. Раз мужчина не задержался в баре, значит, лестница ведет, скорее всего, в какие-то жилые комнаты. Лучше было бы, конечно, успеть его расспросить... Но рано или поздно сюда все равно кто-нибудь придет. И ей в

любом случае больше некуда податься...
Покосилась на входную дверь: у порожка болтался отставший от створки кусок войлока, заляпанного грязью. Что-то не похоже на усиленную противорадиационную защиту...

Ноги по-прежнему саднило. Вика опустила глаза: колготки телесного цвета от щиколоток до икр усеивали черные брызги. Двумя пальцами оттянула эластичную ткань: от каждой грязной крапины мгновенно побежало по стреле, и на левой ноге самая длинная достигла колена. А ведь хорошие были колготки... крепкие, сорок ден.

И только тут ее по-настоящему бросило в панику. Холодную и липкую, как ловушка для мух.

* * *

— ... это «с точки зрения банальной эрудиции». А ты попробуй то же самое — но человеческим языком! Просто попробуй. А там посмотрим, что получится...

— Ни черта у нас не получится... Ленка теперь невыезная. Ты не знал?

— Ленка?!..

Двое мужчин спускались по лестнице. Вика приподнялась было им навстречу, но стрелы на колготках наперегонки рванулись вверх, и она снова села, задвинув ноги подальше под столик.

Мокрый балахон висел на спинке соседнего стула; а ведь придется таки брать эту гадость в руки...

Увидев Вику, оба собеседника мгновенно умолкли. Пауза провисела секунд двадцать; затем один из них, постарше, додумался поздороваться.

— Добрый вечер, — вымученно улыбнулась она. — Вы... из персонала отеля?

Мгновением позже она сообразила, что ляпнула ерунду. В Ф-зоне работают исключительно «ихние»; а эти два мужичка были самыми что ни на есть нашими. И по разговору, и по внешнему виду — ошибиться невозможно. Особенно тот, что поздоровался: бородатый, в растянутом свитере, похожий на типического геолога... тьфу ты черт, какое тут может быть «особенно»?

Да, но они же мужчины. Откуда здесь наши мужчины?..

— Оля! — крикнул парень помоложе, задрал голову по направлению к лестнице.

Он был не сказать чтобы рыжий, но веснушчатый до такой степени, что казался меднокожим в белую крапинку.

— Шо тебе? Иду!

Судя по звуку, сверху вприпрыжку топал слоненок на каблуках. Оказалось, довольно стройная невысокая барышня в голубом передничке и с хвостиком пестрых волос, белых с зелеными перьями. Наша, — далеко за пределами сомнений.

Она заняла место за стойкой и уставилась на Вику:

— Вам шо?

В горле першило от дыма; пытаюсь заговорить, Вика поперхнулась, а затем закашлялась так, что пришлось перегнуться пополам. Кто-то из мужчин постучал ее по спине, она не видела, кто именно... Задыхаясь и смаргивая слезы, выговорила:

— Я... Меня зовут Виктория Марченко. Понимаете... в общем, у меня проблемы в отеле. Нужна комната на три... то есть уже на два дня.

— Двадцатник, — бесстрастно сообщила Оля. Шесть мелких купюр в бумажнике. Шестью пять — тридцать: укладываюсь. Вика облегченно вздохнула.

— Ты сдурела, Оль? — укоризненно спросил мужской голос у нее за плечом.

— Ни фига, — отрезала барышня за стойкой. — Во-первых, не два, а два дня и три ночи, ежу понятно. Во-вторых, риск. Или ты эту чувику знаешь?

Веснушчатый парень тем временем сел за столик в углу и показал Оле два пальца. Та кивнула и взялась за сифон. Следовательно, за Викиной спиной оставался бородатый; обернувшись, она встретила с ним глазами. «Геолог» вздохнул и пожал плечами: мол, ничего не поделаешь.

А впрочем, почему он должен что-то для нее делать?

Оля наполнила два стакана, вышла из-за стойки и все той же походкой резвого слоника направилась к веснушчатому. На обратном пути, не поворачивая головы, кивнула Вике:

— Пошли.

Вика поднялась и брезгливо подхватила со стула балахон. «... А я, как дура, в этом плаще... — так, что ли, говорила «рыжая»? — ... а он все равно узнал...»

Фантом-отпечаток... «Ивашка».

Прошел целый день — а она так и не выяснила ничего конкретного. Потратила почти треть отпущенного срока на решение нелепейших бытовых проблем. Вот и сейчас по-настоящему хочется только одного...

Снять эти саднящие драные колготки.

* * *

Нет, она, конечно, ожидала контраста с номерами отеля «Мемориал». Но чтобы настолько... Хотя здесь тоже было три кровати. Расставленные, словно в насмешку, примерно в том же порядке, как и там.

— Вон та койка свободна, — лаконично бросила Оля. И мгновенно испарилась — только

слониковый топот удалился по лестнице.

В номере пахло плесенью и залежалым бельем. Вика уже подошла к окну; вовремя вспомнила про радиацию. Оконное стекло казалось ненадежно тонким, из рамы по периметру торчали ключья поролона.

Якобы свободная кровать служила, похоже, давним местом свалки несвежей одежды и бытового мусора. Поэтому Вика присела на соседнюю, кое-как застеленную пледом, истертым до дыр. Завязанные узлом останки колготок так и просились в общую кучу; Вика нервно усмехнулась. Наоборот, сейчас придется все это разбирать...

Она боязливо спустила босые ноги на пол. Интересно, тараканы тут есть? С одной стороны, Ф-зона. С другой — подобный интерьерчик без тараканов немислим... Надо было взглянуть на пол, когда Оля включала свет.

Странное вообще заведение. «Ихние» к нему не то что не приложили рук — не шевельнули и пальцем. А ведь, по идее, они должны контролировать все, что происходит в Ф-зоне. Впрочем, если тут промышляют и юные охотницы за мужьями, и банальные проститутки...

Натягивая спортивные штаны, Вика вдруг почувствовала, что страшно, первобытно проголодалась. Действительно, чай с вареньем

плюс две чашечки кофе — слабоватая замена завтраку, обеду и уже подоспевшему по времени ужину. В номер его явно не подадут, так что надо опять спуститься в бар.

Идея ее очень воодушевила: не потому ли, что отодвигала в будущее разгребание завалов на койке? А хоть бы и так; Вика поставила сумку возле кроватной ножки, предварительно вынув бумажник. Ничего похожего на ключи от номера Оля ей не оставила.

Дверь выходила прямо на лестницу — недлинную, ступенек семь или восемь. Обрывки разговора внизу стали разборчивыми примерно на половине пути.

— ... статистических данных. Но, если ты...

— ... сомневаюсь, что будет хоть какой-то резонанс. Всем наплевать.

— По-любому, это разговоры в пользу бедных, пока мы не наладим новый канал свя...

Вика только теперь подумала, что один из мужчин в баре — наверняка тот самый, кто привел ее сюда, приняв за кого-то другого. Да, и голос... точно. То ли «геолог», то ли веснушчатый...

Определить не удалось.

Потому что, стоило ей выйти из-за зеленой занавески, оба замолчали, словно разом набрали в рот каждый по полстакана.

Разноволосая Оля хмуро сообщила, что все порядочные постояльцы кормятся в городе в бесплатных ресторанах, а если кто хочет, чтоб она приготовила ужин, так это стоит пятёрки.

При мысли о дождливой темноте за дверью Вика поежилась — но и отдавать сразу половину оставшихся финансов было, мягко говоря, неразумно. Сглотнув слюну, она спросила, что из еды можно купить непосредственно в баре. Три пакетика орешков, банка колы и древняя сухая шоколадка обошлись в восемьдесят пять монет; правда, разменных денег у барменши не оказалось, и Викина предпоследняя купюра ушла в счет будущего кредита. Забавно, нечего сказать.

Из приемника на стойке неся голосок нашей попсовой певички. Оля подпевала; иногда в такт.

Двое мужиков по-прежнему тупо молчали за угловым столиком, сдвинув банки с пивом и уставившись в пепельницу. Вика присела за другой стол, подчеркнуто спиной к ним. Идите вы с вашими секретами!..

Кто-то из мужчин прокашлялся, кто-то щелкнул зажигалкой.

— Мерзковатая нынче погодка, — сказал один.

— Не говори, — откликнулся другой.

Вике стало смешно. Интересно, они теперь весь вечер будут общаться в таком духе?

Кстати, как им вообще удалось пробраться в Ф-зону? В женском платье, что ли? — она хихикнула, вгрызаясь в шоколад. Конечно, при желании у наших чиновников можно купить любую справку, и не особенно дорого: спротоглись же на это родители кудрявой Насти... Но сколько стоит заставить «ихних» полицейских на КПП не заметить бороду лопатой?

И зачем?..

Хлопнула дверь; женщина в мокрой накидке, очень смутно похожей на противорадиационный плащ, короткой перебежкой пересекла бар. Каблучки вверх по лестнице.

— Рановато сегодня, — уронил мужчина за Викиной спиной.

— Наталья еще раньше вернулась, — сообщил второй. — Погода мерзкая.

Ну-ну.

— Вытри, девчонка, слезы, Это не твой герой! — с чувством пропела Оля. Поддув из-под низу, согнала со лба зеленую прядь.

Вика присмотрелась к барменше, щуря глаза от дыма. Этой Оле где-то под тридцатник: самый подходящий возраст для «почетной вдовы». А почему нет? Разумеется, вдова, к услугам которой бесплатные отели и рестораны, вряд ли стала бы...

ты в этом уверена? В некотором смысле, зарабатывать деньги — пусть нелегально — все же достойнее, чем жить на благотворительность «ихних».

Подойти к стойке, заказать коньяку на весь «кредит», расположить к себе, разговорить... «Знаете, Оля, я боюсь, что мой муж не найдет меня в вашей гостинице. Не подскажите, как я могла бы дать ему знать о себе? Они вообще... приходят сюда?..»

— Знаешь, девчонка, твой, — сипловатое сопрано барменши сорвалось, и певичка закончила куплет соло: — Совсем, ах, совсем не такой!..

— Простая понятная песня, — пробормотал мужской голос. Вроде бы тот самый, что окликнул ее на улице... защитный балахон глушит звуки. Она оглянулась через плечо. «Геолог»?..

Он как раз опустил на столик пивную банку и смахнул с усов пузырьки пены. Заросшее воплощение маскулинности; настоящий мужик, если попроще. Да и второй, веснушчатый — тоже рубленый топором профиль и специфический запахок табака, пива, носков и пота в одном флаконе.

— Не такой, не такой!..

Оля уже не подпевала. Вика привстала было — и вновь села на покачнувшийся стул.

«Ивашки» — всего лишь на жаргоне «ихних»;

а по-научному — фантомы-отпечатки. Поневоле представляешь себе что-то эфирное, сияющее, полупрозрачное. Призраки Ф-зоны... Но где вы видели женщину, способную любить — призрака?!

Мужчины за столиком в углу молчали. Почему-то она никак не могла заставить себя снова обернуться и взглянуть на них.

* * *

— Я убрала с кровати, — тускло сказала женщина.

— Спасибо.

Вика села и сцепила пальцы на коленях. Трусость. Бегство, поджавши хвост, и никак иначе. Чем развернуться на сто восемьдесят градусов вместе со стулом, улыбнуться им, заговорить хоть о той же погоде... Но сбежать легче. Мол, надо же собраться с мыслями, обдумать, взвесить, сопоставить... А потом спустишься назад — и никого.

В последнем она была совершенно уверена. Как и в том, что ни в коем случае нельзя раскачиваться и медлить.

И все равно сидела на краешке кровати.

— Такой дождь, — тихо уронила соседка, задергивая занавеску.

Женщина была маленькая, примерно по плечо

Вике. Немолодая, желтовато-бледная, с тонкими вертикальными морщинами на лбу и щеках. Похожая на бесконечно усталую учительницу или библиотекаршу. Ее накидка, вряд ли повышенной защиты, сохла на спинке стула.

— Меня зовут Елена... — шевельнулись ниточки-губы, явно проговаривая опущенное отчество.

— Вика.

Вот, как раз в эту минуту они поднимаются из-за столика. Расплачиваются с барменшей... чем расплачиваются? Интересный, кстати, вопрос. «Рыжая», помнится, говорила, что некоторые проститутки специализируются на «ивашках», — выходит, есть чем?.. Но в данном случае неважно.

Уходят — и больше не вернутся. Ближайшие два дня. И три ночи, как мудро заметила Оля. У них есть какие-то основания не доверять ей, Вике, — а значит...

— ... Виктория Марченко?

Она автоматически кивнула и только через пару секунд вскинула вопросительный взгляд. Вроде бы у нее нет привычки носить бэджик с именем... А Оля, через которую информация вскоре по-любому расползется по всем направлениям, с момента возвращения Елены в гостиницу не выходила из-за стойки.

— Вашего мужа звали Игорь, — почти

прошептала женщина. — Игорь Марченко, старший лейтенант.

— Вы его зна...?!

Не «знали». «Знаете». Ведь правда?!!

Те двое все равно ничего бы ей не сказали.

Пусть себе идут. Пусть.

— Он здесь? Вы... видели его?..

Елена расправила складки мокрой накидки; на пол потекли вереницы капель и даже тоненькие ручейки. Рассохшийся паркет под стулом коробился и пестрел светлыми разводами: наверное, она всегда сушит здесь одежду...

Покачала головой:

— Только имя... Просто Женя был следующий по списку... майор Евгений Маргулис. Знаете, еще до того, как их опубликовали в наших газетах... один наш с Женей друг поймал волну по радио — тогда это называлось «вражеские голоса», помните?

Она закусила бескровную губу. Перевела дыхание:

— Я потому и запомнила фамилию, что уже успела поверить... Ведь Маргулис по алфавиту — раньше, чем Марченко...

Резко отвернулась, отошла к окну, остановилась напротив щели между занавесками. Может, и заплакала — но беззвучно, совершенно беззвучно.

— Это если нашими буквами, — проговорила Вика. — Если «ихними» — все правильно.

* * *

А неделю назад с Елены Маргулис окончательно сняли статус «почетной вдовы».

Вика изумилась: вот уж не думала, что такое в принципе возможно. А тем более с Еленой, муж которой не только черным по белому значился в списках героев, тушивших тогда пожар, — в любые списки может вкрасться ошибка, допустим, — но и умер в том же спецгоспитале, что и Маринкин Славик, и тоже практически на руках у жены...

Дождь по-прежнему мягко барабанил в окно. У Вики остановились часы, а у Елены их вообще не было, но и без того было ясно, что уже давно глубокая ночь. Две женщины сидели каждая на своей кровати, почти не глядя друг на друга, — и говорили, и не могли наговориться.

Майор Маргулис принадлежал к командному составу элитного спецподразделения; он знал, конечно, куда и с какой целью их направляют. Но, разумеется, ничего не сказал жене, — ни до, ни даже после. Она привыкла ничего не знать... а Вика не успела привыкнуть — но что это меняет?

Те же «вражеские голоса», которые тайно ловил друг Елены, намекали, что десант на ядерную

базу действительно был по сути необъявленным началом давно назревшей войны... однако и они на удивление быстро свернули тему. В конце концов, война уже позади; можно сказать, в истории. Сиюминутная война.

Война кончилась. Ее немногочисленные по военным меркам участники поголовно были признаны героями, причем обеими якобы воевавшими сторонами. Майора Маргулиса это забавляло. Майор Маргулис знал, как все обстояло на самом деле. Он вообще много чего знал. В том числе — сколько ему осталось жить.

Ни Игорь, ни Славик не знали, подумала Вика. И еще неизвестно, что страшнее.

Уже находясь в спецгоспитале, муж Елены подал на развод. С единственной целью: гарантированно перекрыть ей доступ к нему в палату. Евгений всегда сам принимал решения, жизненно важные для них обоих... В тот раз она впервые ему этого не позволила.

Вика смотрела на нее сквозь переплетенные пальцы. Трудно представить, как эта тихая женщина грубо работала локтями, пользовалась связями, угрозами и кошельком, расчищая себе путь к мужу. Который категорически не хотел ее видеть. Потому что знал.

Она прорвалась.

Она была с ним все время. Двенадцать из

четырнадцать дней клиники лучевой болезни. Когда у него клочьями падали волосы, когда то серело, то багровело лицо, трескалась кожа, сочилась кровь и сукровица, когда выходили с рвотой куски внутренностей, когда плоть отваливалась от костей...

Вика не кивала — просто опускала веки. Весь этот кошмар... с тех пор, как уехала Маринка, он принадлежал ей одной. Стушеванный, загнанный в подсознание, но от этого не менее жуткий... Теперь стало гораздо легче. И Елене, наверное, тоже.

Вдову майора Маргулиса дольше других не выпускали в Ф-зону. Когда исчерпали себя воспитательные беседы и банальная волокита, запустились механизмы потоньше: у нее вымогали взятку и пытались поймать за руку, ей даже организовали неправдоподобное повышение на работе, а под конец шантажировали обнародованием какого-то компромата на покойного мужа... Пришлось подавать жалобу в правозащитный комитет — «ихний», конечно. Подействовало.

Елена сразу оформила постоянную визу. Собственно, там ее ничего не держало.

А здесь, в Ф-зоне, ее никто не ждал.

— Вы знаете, что «ихние» ввели специальную службу, регистрирующую контакты приезжающих женщин с... их мужьями?

Вика вздрогнула. Показалось, что Елена так скажет «с «ивашками»; это было бы как блатная песня в исполнении церковного хора. Хотя при чем тут слова...

— Как?!

— Вынужденная мера, — женщина пожала плечами. — Они не могут не знать, как много нежелательных элементов скопилось в Ф-зоне. «Ихние» ученые разработали методику... достаточно эффективную. Только за последний месяц было депортировано двенадцать фальшивых «вдов»...

Она усмехнулась.

— ... уже почти тринадцать.

Елена Маргулис прожила в номере-люкс отеля «Мемориал» больше года. Сначала просто ждала. Потом начала искать... Был момент, когда она совершенно уверилась в том, что весь проект «Ф-зона» от начала и до конца — фикция, грандиозное мошенничество, преследующее какие-то неизвестные цели.

— Я тогда подозревала всех вокруг в некоем всеобщем заговоре... Но любая ложь, в том числе

самообман, имеет предел. К другим женщинам они действительно приходили. А Женя... так и не пришел.

Вместе с нескончаемыми потоками радиоактивного дождя на нее обрушилась депрессия. И Елена совершила самую невероятную в своей жизни глупость: прервала действие постоянной визы и вернулась домой.

Когда через полгода она снова подала документы на Ф-зону, знакомые восприняли это как сумасшествие. Чиновники вновь с упоением вставляли палки в колеса: козырной картой стал ее развод с Евгением — впрочем, так и не оформленный до конца... Но она добилась временной месячной визы. Потом еще раз. И еще... в конце концов это стало совсем нетрудно. Ее уже узнавали во всех инстанциях. На нее махнули рукой.

Пока «ихние» не ввели свою службу контроля. После чего вежливо рекомендовали госпоже Маргулис покинуть Ф-зону. Как «лицу, в течение установленного срока ни разу не вступившему в близкий контакт с фантомом-отпечатком».

От словосочетания «близкий контакт» Вику передернуло:

— Они... следят?!

— Не думаю. Скорее, система датчиков, улавливающих какие-то импульсы, колебания,

возможно, изменения радиационного фона... При Ф-зоне с самого начала работает научно-исследовательский институт. «Ихние» уже изучили феномен фантомов-отпечатков так досконально, как только могли. И продолжают изучать... разумеется, все это строжайше засекречено.

Она умолкла, и повисла настолько абсолютная тишина, что Вика вздрогнула. А, просто кончился дождь... Маленькая женщина неподвижно сидела на кровати под истертым пледом. Нелегалка, нежелательный элемент. Вспомнились юная Настя с круглыми наивными глазами, исходящая матом проститутка Наташка... обе, по-видимому, сумели договориться с контрольной службой «ихних» и преспокойно живут в благотворительном «Мемориале». Но это неважно.

Важно совсем другое.

— Почему? — тихо спросила Вика. — Почему он не пришел к вам?..

Елена сцепила пальцы на подбородке:

— У меня было время над этим подумать... Очень просто: он, как обычно, все решил сам. Что нам лучше не встречаться. Что мне лучше уехать. Сам.

— Но, подождите... — мысли крутились хороводом сухих листьев, не желая оформляться в связные слова. Да и что она может возразить этой

женщине, у которой действительно было время подумать, — она, пробывшая в Ф-зоне всего один день, да и тот растратившая глупо и попусту...

Нет. Кое-что она таки успела выяснить. И у нее тоже было предостаточно времени для размышлений — пусть за пределами Ф-зоны.

— Женя всегда был такой, — беззвучно сказала Елена.

— Но ведь, — Вика лихорадочно ухватилась за ее слова; кажется, удалось зацепиться. — Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что фантом-отпечаток — не точный слепок с человека. Одна женщина говорила... и еще раньше я читала, что они — лучше, что ли, чем были... при жизни. Примитивно звучит, я немножко не то имела в виду... В общем, наши мужья... все те мужчины, что погибли здесь... по-моему, Ф-зона отпечатала лучшее, что в них было. Именно то, что заставляло нас их любить.

Елена Маргулис медленно кивала в такт ее словам. И Вика совершенно смешалась, натолкнувшись на ее внезапную улыбку. Тихую и грустную, как драгоценное воспоминание.

— Может быть, вы правы. Самое лучшее... то, за что любили... я ведь о том же, понимаете?.. Но мы слишком мало знаем о них, — ее голос вдруг стал жестким. — Слишком мало.